Александров
ГЖС226
А 416

Довольно насилій!!!

БРАТСТВО
„СВОБОДЫ и ПОРЯДКА".

РУССКОМУ НАРОДУ.

Ги экз.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1905.

Цѣна 2 коп.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГЭЖ226
А416
1984
312157 у

Опять слухи о готовящихся погромахъ... Опять закрывающіеся магазины. Опять блѣдныя, растерянныя лица... Патрули и конные разъѣзды на улицахъ. Болящія душу и щемящія сердца и злобные, недовѣрчивые взгляды, которыми русскіе люди точно измѣряютъ другъ друга, точно дознаться хотятъ: кто ты таковъ? Каковы твои мнѣнія? Свой ли ты мнѣ, или чужой? Другъ, или врагъ?..

Когда же окончится, наконецъ, смута проклятая, безпокойство убійственное? Когда наступитъ порядокъ, безъ котораго жить нельзя никому, безъ котораго никакая свобода не поможетъ, безъ котораго государство погибнуть должно, что бы ни предпринимали его правители?...

Когда же опомнятся, наконецъ, русскіе люди: реакціонеры (т.-е. тѣ, которые недовольны манифестомъ 17-го октября и не желаютъ созыва Государственной Думы, боятся участія народа въ управленіи родиной)—и республиканцы-революціонеры (т.-е. люди,

[illegible]

желающіе низвергнуть русскаго Царя, расчленить Имперію великую и создать вмѣсто единой Россіи федерацію—т.-е. десятокъ или два отдѣльныхъ княжествъ съ выборными правителями-президентами? Такъ вотъ тѣ и другія общества и союзы, точно сговорившись, рѣжутъ несчастную родину, одинаково мѣшая правительству и народу успокоиться, одуматься и приняться за производительную работу.

Гдѣ найти словъ, чтобы заклеймить по заслугамъ ужасную дѣятельность лицъ, *подстрекающихъ къ безпорядкамъ, смутамъ и забастовкамъ*... Большими буквами слѣдовало бы выжечь на лбахъ ихъ слова: «*Каинъ, братоубійца*», умертвившій единокровнаго брата своего. И сѣятели смутъ и насилія уподобляются такому Каину, потому что дѣятельность ихъ преступная ведетъ къ погибели, къ голодной смерти, цѣлыя сотни тысячъ и милліоны русскихъ людей, братьевъ ихъ родныхъ.

Какими бы резонами ни объясняли люди своего ужаснаго подстрекательства, чѣмъ бы не прикрывались,—въ томъ разницы нѣтъ никакой. Ничто не можетъ оправдать ихъ. Не все ли равно народу русскому многострадальному, красные ли крамольники нарушаютъ спокойствіе родины, или бѣлые лже-патріоты мѣшаютъ работать правительству, тормозя его

полезныя начинанія... Мы, спокойные, мирные люди, мы любящіе отчизну нашу больше самихъ себя, одинаково проклинаемъ тѣхъ и другихъ...

Мы говоримъ обманутымъ русскимъ людямъ, надѣющимся путемъ насилія принести пользу родинѣ: Опомнитесь! Вспомните слова Христа Спасителя: «подымающій мечъ мечемъ погибнетъ». Нельзя помогать *правому дѣлу неправыми средствами.* Вы, проповѣдующіе походъ противъ баръ и студентовъ, и чистой публики (такъ называемой *интеллигенціи*)... поймите, что этимъ вы зажигаете пламя междоусобицы, которая пожретъ васъ первыхъ и Россію вмѣстѣ съ вами.

Поймите заблудшіе, озлобленные люди русскіе, что вы совершаете преступленіе, натравливая одну часть народонаселенія на другую. Вы разнуздываете дикаго звѣря, который прячется въ душѣ каждаго человѣка, даже въ народахъ болѣе старыхъ, болѣе привыкшихъ управлять собой, а тѣмъ паче въ душѣ нашего молодого русскаго племени, простого и довѣрчиваго, не научившагося еще обсуждать совѣты, печатно высказанные, и взвѣшивать по достоинству... воззванія или прокламаціи разныхъ партій.

Поймите, заблуждающіеся русскіе люди...

что вы губите родную землю, унижаете ее и раззоряете, научая крестьянство самовольничать, грабить и отымать чужую собственность. Вы сѣете неповиновеніе власти и пожнете уничтоженіе всякихъ властей, добьетесь того ужаснаго *безначалія*, которое зовется въ чужихъ земляхъ *анархіей*. Вы недовольны манифестомъ 17-го октября потому, что вамъ кажется, будто онъ уменьшаетъ значеніе Государя русскаго, а сами, проповѣдуя неповиновеніе манифесту этому, т.-е. волѣ Царской, ясно и торжественно высказанной,—сами становитесь бунтовщиками противъ Государя своего и играете на руку врагамъ Его, подготовляете успѣхи людей, задумавшихъ гибель всего строя и порядка государственнаго-русскаго-имперскаго...

Опомнитесь изъ уваженія къ тому же Царю, именемъ котораго вы смѣете посылать на мятежъ, на грабежи и своевольничаніе. Пожалѣйте Его сердцами своими русскими. Вы думаете, легко Ему видѣть смуту и неурядицу родной земли? Да, Его Царскій вѣнецъ сталъ Ему терновымъ вѣнцомъ, и всякій, въ комъ жива преданность родному Государю, потомку дома Романовыхъ, свободно выбранному всѣмъ народомъ русскимъ въ тяжкую годину, когда гибла Россія—всякій, желающій сохраненія

единства и величія родины святой, долженъ работать на пользу ея, долженъ *всѣми мѣрами* заботиться объ успокоеніи Россіи, а не сѣять смуты и волненія...

Будетъ время подумать объ отдѣльныхъ интересахъ и требовать отдѣльныхъ улучшеній. Когда успокоится Россія и послѣ пережитыхъ волненій оправится, тогда поспѣетъ каждый классъ,—каждое сословіе или партія, подумать и о себѣ,—и *законнымъ*, мирнымъ путемъ потребовать улучшеній желательныхъ... А пока горитъ Россія со всѣхъ четырехъ концовъ, да мечется словно больной въ горячкѣ смертельной, не время о себѣ думать, да о своихъ особыхъ желаніяхъ говорить. Да и глупо это,—кто же будетъ «улучшать бытъ» разныхъ кружковъ, ежели государство само банкротомъ станетъ. Надо прежде дорогую страдалицу, мать родину, на ноги поставить, силы ей вернуть всѣми средствами, хоть бы для этого пришлось *всѣмъ забыть себя*, отказаться отъ послѣдней копѣйки на пользу родины, отдать послѣднюю каплю крови для защиты и успокоенія ея...

Подумайте объ этомъ русскіе люди, озлобленные противъ красныхъ крикуновъ, и не давайте гнѣву ослѣпить себя, не отвѣчайте на ненависть ненавистью,—на проповѣдь раз-

рушенія насиліемъ. Помните, что сопротивленіе *спокойное и мирное* проповѣдямъ мятежниковъ революціонеровъ сильнѣе и дѣйствительнѣе и скорѣе успѣха добьется, чѣмъ даже возстанія кровопролитныя...

Опомнитесь и вы, дѣятели красныхъ партій, революціонеры подстрекатели. Подумайте о томъ, что ожидаетъ васъ и сообразите: сможетъ ли ваше меньшинство малое,—десятки тысячъ еле насчитывающее,—устоять противъ десятковъ милліоновъ *настоящаго народа русскаго*.

Страшна стихійная сила возмущеннаго народонаселенія... Когда мы—люди, желающіе умиротворенія,—люди готовые грудь свою подставить подъ ножи обѣихъ сторонъ, только бы не допустить кровавой междоусобицы—окажемся безсильны, когда народный гнѣвъ, возбужденный вашей дерзостью, вашимъ неуваженіемъ къ святынямъ русской души—откинетъ насъ въ сторону и пойдетъ на васъ, какъ волна морская на берегъ въ бурную ночь, такъ вѣдь отъ васъ не останется даже и воспоминанія. Гнѣвъ народный смоетъ васъ съ лица земли, какъ гнѣвъ Божескій сметаетъ однимъ порывомъ урагана грозового слабыя творенія рукъ человѣческихъ...

Вы молоды, почти всѣ проповѣдники революціи, т.-е. мятежа и возстанія и насилія.

Вы не знаете, что такое междоусобица, не имѣли случая видѣть ея... Вы, осмѣливающіеся громко утверждать, что «русскому народу *надо навязать республику*, хотя бы *противъ воли его большинства*», вы не знаете, какъ платятся тѣ, кто навязываютъ народу что либо насильно противъ его воли.

Вы изучили французскую революцію по книжкамъ ея соучастниковъ, прославляющихъ дѣла друзей своихъ, и воображаете теперь, что вамъ удастся въ Россіи повторить то, что будто бы удалось сто лѣтъ тому назадъ во Франціи... Ой, не ошибитесь, господа!

Познакомьтесь покрайности съ обратной стороной той французской революціи. Прочтите книжки иностранныхъ историковъ, описывающихъ *преступленія* любимыхъ вами героевъ безпристрастно и справедливо. Тогда, быть можетъ, ужаснутся честные люди, попавшіе въ ваши ряды, и поспѣшатъ отказаться отъ заблужденія революціоннаго...

А то спросите насъ, стариковъ, видѣвшихъ своими глазами, что такое междоусобица, въ той же Франціи, которая вѣчно служитъ примѣромъ для вашего подражанія. Спросите насъ, пережившихъ 34 года тому назадъ въ Парижѣ ту самую республику соціально-демократическую и то «правленіе пролетаріата», о ко-

торомъ вы теперь мечтаете. Коммуной называлось оно. И въ этой коммунѣ, дѣйствительно распоряжались рабочіе, которымъ удалось прогнать властей законныхъ и забрать въ свои руки все управленіе двухъ-милліонной столицы Франціи—Парижемъ. Тутъ-то бы, кажись, и показать рабочей партіи—Соціалъ-Демократамъ, свое умѣніе управлять мудро и справедливо, по Божескому. Но вышло совсѣмъ напротивъ.—Правители выборные, изъ рабочихъ людей, стали барствовать, да съ гулящими бабенками прохлаждаться. Имѣнія и богатства городскія несчетныя сталъ расхищать кто хотѣлъ. А если пробовали честные люди немногочисленные, попавшіе въ правленіе городомъ, уговаривать да удерживать отъ злоупотребленій, или осуждать жестокости безполезныя, такъ тѣхъ безъ всякаго суда просто разстрѣливали. Довольно было какому либо пьяному рабочему правителю написать на клочкѣ грязной бумаги приказъ: «разстрѣлять такихъ-то людей, мѣшающихъ нашему спокойствію», приложить къ ней печать и готово...—Другіе такіе-же пьяные рабочіе, образовавшіе изъ себя милицію хваленую (національную гвардію), сразу, безъ суда и слѣдствія, приводили и приказъ тотъ въ исполненіе... Волосы дыбомъ становились

у насъ, теперь стариковъ, когда, два года спустя, слушали мы судебное разбирательство о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правителей коммуны,—да видѣли подлинники такихъ документовъ кровавыхъ. — И понятно стало намъ тогда, что не могло долго продержаться такое правленіе. Возмутилась вся Франція.—Подошли войска, отвлеченныя войной съ нѣмцами (оттого только и удался Парижскій мятежъ), выбралъ французскій народъ законное правительство въ ближнемъ городѣ Версалѣ и пошли полки на приступъ противъ Парижа и взяли его послѣ отчаяннаго сопротивленія... И случалось при этомъ, что одинъ братъ въ законномъ войскѣ стоялъ, а другой на улицахъ Парижа дрался... Встрѣчалиль они врагами, штыки свои въ грудь братскую вонзали... Вотъ она междоусобица до чего доводитъ.

А что въ городѣ дѣлалось, въ Парижѣ осажденномъ... Господи всемогущій!.. Дай мнѣ краснорѣчіе пророковъ своихъ, чтобы смогъ я описать ужасы того времени на предупрежденіе русскимъ людямъ, на вразумленіе родной землѣ...

Въ послѣдніе дни Коммуны, какъ увидѣли правители ея, что конецъ приходитъ имъ, что вся Франція противъ нихъ, точно озвѣрѣли они.—На улицахъ рѣзали людей, здорово жи-

вешь — ни за что,—чтобы подъ руку не попадался... Заложниковъ, взятыхъ въ городѣ, стариковъ честныхъ, священниковъ уважаемыхъ, докторовъ, любимыхъ бѣднымъ народомъ, разстрѣлять велѣли, за то, вишь, что войска не послушались приказа коммунаровъ, не отошли отъ Парижа, не позволили имъ дальше безчинствовать.

Страшно видѣть было эту казнь безчестную. Старики прощали убійцамъ своимъ. Священники благословляли палачей... А тѣ, несчастные, озвѣрѣлые отъ водки, да отъ дыму порохового, да отъ рѣчей лукавыхъ совратителей, не понимали даже своего преступленія, издѣвались надъ умирающими,—мѣшали священнослужителямъ исполнить послѣдній долгъ христіанскій: мѣшали имъ исповѣдывать да благословить умиравшихъ вмѣстѣ съ ними—неповинныхъ мучениковъ.

А тѣмъ временемъ женщины гулящія, обезумѣвшія, по улицамъ бѣгали съ жестянками керосиновыми, да жгли все, что попало: дворцы богатые, городскую собственность, т. е. достояніе государственное, кровью и потомъ народа французскаго купленное... Полъ-Парижа сожгли такъ, ни за что.—Мало того, весь городъ хотѣли на воздухъ взорвать... Динамита да пороха сотни пудовъ стаскивали въ

подвалы для этого... Да услышалъ Богъ, видно, молитвы дѣтей неповинныхъ. Ворвались войска Версальцевъ раньше того, помѣшали послѣднему злодѣянію...

Но тутъ еще не кончились ужасы... Тѣмъ-то и страшна война междоусобная, что обѣ стороны звѣрѣютъ, обѣ стороны другъ передъ другомъ злобой да жестокостью точно похваляются, точно отличиться хотятъ...

Какъ вошли войска, побѣдители,—началась съ бунтовщиками расправа звѣрская... Господи Боже мой, что тутъ видѣть пришлось!..—Выползли изъ подваловъ люди мирные, что по двѣ недѣли на свѣтъ Божій появиться боялись, дрожали по пряткамъ своимъ... И стали они мстить за испытанный страхъ, за убитыхъ родныхъ—заложниковъ, за разграбленное да сожженное имущество... Безъ суда и слѣдствія, по одному подозрѣнію, казнили каждаго мятежника коммунара.—Видѣли мы тутъ, какъ дѣтей маленькихъ, ни въ чемъ рѣшительно неповинныхъ и лишь въ испугѣ смотрѣвшихъ на все происходившее, живыми въ огонь бросали, потому только, что показалось кому-нибудь, будто руки дѣтскія керосиномъ пахнутъ. «Значитъ, поджигательница,—въ огонь!» кричали матери, у которыхъ у самихъ можетъ быть такія же дѣвочки безгрѣшныя коммунарами убиты были или въ пожарахъ погибли... Даже

войско озвѣрѣло.—Не то прикладами, каблуками сапогъ окровавленныхъ, добивали солдаты раненыхъ возстанцевъ-рабочихъ, на улицахъ, послѣ штурмовъ отчаянныхъ...

Кто пережилъ эти ужасные дни, кто вышелъ живымъ изъ этого ада, тотъ старикомъ сталъ въ 20 лѣтъ, посѣдѣлъ въ 2 недѣли.— И у насъ, видѣвшихъ Коммуну Парижскую, на вѣки остались зарева пожарныя въ глазахъ, запахъ крови человѣческой въ мозгу, картины убійствъ злодѣйскихъ въ памяти...

Тогда всѣ честные люди Франціи, какихъ бы политическихъ убѣжденій они ни придерживались—всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Самый плохой *порядокъ* лучше *междоусобицы*!»

Но нарождается новое поколѣніе, не видавшее того, что видѣли мы, отцы его, и не понимающее нашего ужаса, быть можетъ потому, что мы не съумѣли, не смогли передать его. Слишкомъ мучительно было воспоминаніе...

Да и теперь кто станетъ слушать мой слабый голосъ посреди трескучихъ словъ и звучной лжи подстрекателей всѣхъ сортовъ?..

Да нѣтъ... Не стану духомъ падать... Въ голосѣ истины должна быть сила Божеская... Голосъ сердца долженъ отозваться въ сердцахъ еще не совсѣмъ зачерствѣлыхъ...

Къ нимъ обращается наша рѣчь сегодняшняя. Ихъ просимъ мы, именемъ справед-

ливости, именемъ родины, именемъ Царскимъ, наконецъ, просимъ всѣхъ вѣрующихъ въ Господа, сказавшаго «блаженни миротворцы» и приказавшаго любить ближняго во всѣхъ религіяхъ, — одинаково просимъ всѣхъ сплотиться противъ подстрекателей.

Будемъ и противодѣйствовать имъ всячески, благо законъ разрѣшилъ намъ это и далъ въ руки орудія противодѣйствія: свободу союзовъ, слова, собраній и печати...

Будемъ открыто бороться съ подстрекателями не насиліемъ, а презрѣніемъ нашимъ. Перестанемъ подавать руку, перестанемъ кланяться каждому, кто умышленно, словомъ ли, дѣломъ или перомъ своимъ въ статьяхъ газетныхъ станетъ натравлять русскихъ другъ противъ друга... Перестанемъ стѣсняться высказывать свое мнѣніе открыто и громогласно и постараемся крикомъ негодованія законнаго заглушить злобное нашептываніе лукавыхъ совѣтниковъ-подстрекателей всѣхъ партій. Постараемся словами разсудительными и просьбами умиротворенія вырвать изъ рукъ несчастнаго народа русскаго отравленную чашу опьяненія, подносимую услужливыми учителями, проповѣдующими погромы и избіенія, мечтающими объ уличныхъ бояхъ за баррикадами, какъ о желанномъ праздникѣ, считающихъ

революцію, т. е. величайшее народное бѣдствіе, всеобщій бунтъ—не грознымъ призракомъ, а забавой или средствомъ достигнуть своихъ цѣлей, ловить рыбу въ мутной водѣ да наживаться за счетъ довѣрчиваго народа русскаго.

Постараемся организовать скорѣй, не теряя ни минуты времени, союзъ умиротворенія: «Братство свободы и порядка», сплоченное вокругъ родного знамени, на которомъ сіяютъ слова, выражающія желанія большинства народа русскаго: «Царь и народъ». «Благо Россіи прежде всего».

Довольно крови! Довольно насилій!

Александровъ.

3/2157

Выписывающіе не менѣе 100 экземпл. пользуются 50% уступкою.